

УДК 94(4), 930

В. О. Мартыненко

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК
ЭПОХИ ВИКИНГОВ: ВЗАИМОСВЯЗЬ
ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ**

63

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Поступила в редакцию 10.12.2024 г.

Принята к публикации 25.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5

Для цитирования: Мартыненко В.О. Определение хронологических рамок эпохи викингов: взаимосвязь исторического и культурологического подходов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №2. С. 63—76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5.

В медиевистике и скандинавистике эпоха викингов чаще всего очерчивается 793–1066 гг. – периодом, когда воинственные скандинавы доминировали в политической и социально-экономической жизни различных государств. Однако современные междисциплинарные исследования, касающиеся всего скандинавского общества в раннем Средневековье, расширяют эти границы. Понимание критериев, которые лежат в основе различных исследовательских подходов, позволяет конкретизировать период активности скандинавов. Целью статьи является определение хронологических рамок эпохи викингов на основе взаимосвязи исторического и культурологического подходов. В рамках исторического подхода с помощью историко-генетического, сравнительно-исторического методов и контент-анализа с учетом ряда зарубежных источников эпохи Средневековья в статье определяются признаки, составляющие понятие «викинги» в период их активности. С помощью культурологического подхода на основе источников эпохи Нового времени выявляются признаки понятия, сконструированные гораздо позже деятелями культуры эпохи романтизма (XIX в.). Выявление признаков понятия «викинги» позволяет определить, какие критерии учитываются для установления временных границ эпохи. Военные вторжения викингов, морские грабежи, пиратство и язычество – признаки, относящиеся к фазе их наиболее активных завоеваний в 793–1066 гг. Другие признаки – развитие торговли, религии, письменной культуры, политических и общественных институтов – сближают понятия «викинги» и «скандинавы». Это расширяет хронологические границы эпохи викингов – с начала VIII в. до XVI в. в соответствии с различными подходами исследователей. Обоснован вывод

об искусственности таких историко-хронологических конструкций, как «эпоха викингов», подчеркнута необходимость обоснованного разграничения или совмещения двух подходов к понятиям «викинги» и «эпоха викингов».

Ключевые слова: викинги, походы викингов, скандинавы, эпоха викингов, Скандинавия

Введение

Одно из первых вторжений викингов в Западной Европе, зафиксированное в «Англосаксонской хронике», относится к 793 г., когда отряды вооруженных людей напали на монастырь Линдисфарн в Англии и разграбили его. «Англосаксонская хроника» описывает это событие как «разорение язычниками... Божьей церкви на Святом острове» [32]». Несмотря на то что свидетельства пребывания викингов в регионе относятся и к более раннему времени, именно с этого события в исторической науке традиционно отсчитывают начало эпохи викингов. Окончание эпохи часто определяют датой 25 сентября 1066 г. В этот день в битве при Стэмфорд-Бридже армия английского короля Гарольда II Годвинсона отбила вторжение норвежского короля Харальда Сурового [11, с. 12]. Также в качестве верхней хронологической границы указывают 14 октября 1066 г., когда в битве при Гастингсе нормандский герцог (и потомок скандинавских переселенцев) Вильгельм I Завоеватель разбил армию короля Гарольда, и Англия была завоевана [8, с. 258]. Период 793–1066 гг. условно признается в качестве хронологической границы эпохи викингов и часто встречается в научной литературе. Именно в эту эпоху прослеживается доминирующее влияние скандинавов на политическую и социально-экономическую жизнь многих государств периода раннего Средневековья: Древняя Русь, Византия, средиземноморский регион, Западная Европа и даже Америка испытали на себе присутствие скандинавских авантюристов.

Массовая культура дает узнаваемую, но не всегда верную картину походов викингов [3, с. 130]. У человека, только погружающегося в изучение этой эпохи, может сложиться ошибочное впечатление, что викинги внезапно возникли и также внезапно исчезли из событий мировой истории. Проблема в том, что обоснование хронологических границ эпохи викингов, как и само определение периода скандинавской активности в качестве эпохи, весьма обобщенное и условное. Конкретные временные рамки этой эпохи по-прежнему не определены и нуждаются в уточнениях. Современные междисциплинарные исследования в области истории, археологии, культурологии, лингвистики позволяют переосмыслить традиционные подходы к изучению эпохи викингов и роли викингов в ней. Исследования этой эпохи становятся все более многогранными, охватывая не только военные аспекты деятельности викингов, но и социальную структуру, экономику, торговые маршруты и культурные обмены скандинавов. Совокупность культурно-исторических признаков целой эпохи расширяет представление о многообразии жизнедеятельности скандинавов в VIII–XI вв. Это порождает необходимость постановки четких критериев ее периодизации, в соответствии с различ-

ными подходами, среди которых ключевым является военный аспект. Для определения хронологических рамок важно понять, действительно ли военная деятельность скандинавов в VIII—XI вв. заслуживает того, чтобы назвать ее целой «эпохой» и каковы критерии определения хронологических рамок этой эпохи в соответствии с разными подходами.

Цель статьи — определение хронологических рамок эпохи викингов на основе взаимосвязи исторического и культурологического подходов. Задачи: 1) определить понятийный аппарат исследования, соотношения понятий «викинги» и «эпоха викингов»; 2) установить характерные особенности конструирования хронологических рамок эпохи викингов в соответствии с различными критериями; 3) сформировать представление о перспективах использования традиционной периодизации эпохи викингов в науке. Значимость работы видится в том, что в ней предлагается разграничение ключевых подходов к определению временных рамок эпохи викингов по разным критериям. Их понимание позволит современным исследователям в области медиевистики и скандинавистики конкретизировать понятийный аппарат, глубже понять особенности эпохи и ее место в историческом процессе. Методы исследования: историко-генетический, сравнительно-исторический, контент-анализ.

Основная часть

Определение хронологических рамок эпохи викингов необходимо формулировать, отталкиваясь от ключевого понятия «викинги», подходы к трактовке которого в современной науке остаются весьма дискуссионными. В первую очередь это связано с тем, что наука до сих пор не ответила на вопрос: кто такие «викинги»? В крупных и тиражируемых монографиях, коротко характеризуя викингов, ученые ограничиваются комментариями о том, что это «пираты» или «морские разбойники» [9, с. 22]. Можно сказать, что викинги — это люди, для которых военное ремесло является основным родом деятельности. Однако, характеризуя викингов с военной точки зрения, зачастую авторы серьезных научных работ отступают от данного подхода в процессе исследования. Они представляют викингов с учетом их торговых, ремесленных, колонизаторских и духовных особенностей [29, р. 83], то есть приписывают викингам как весьма узкой социальной группе культурные характеристики, свойственные всему скандинавскому обществу. На сегодняшний момент нет однозначного взгляда на то, какие черты составляют понятие «викинги». Стоит отметить, что сам термин «викинг» не использовался в Скандинавии для обозначения какой-либо социальной группы вплоть до XIX в. [25, s. 151].

Рассматривая проблему происхождения и использования понятия «викинги», исследователи учитывают три подхода к его интерпретации: 1) этимологический; 2) исторический; 3) культурологический (некорректно называемый Дж. Джеш современным) [22, р. 4].

Этимологическому подходу в рамках данной работы будет уделено меньше внимания. Во-первых, без упоминания этимологии понятия «викинги» и дискуссии вокруг этой проблемы не обходится ни одно крупное современное исследование. Во-вторых, эпоха викингов была

значительно позже того, когда возникло это понятие. Понимание этимологии слова дает мало фактической информации о том, как оно использовалось исторически, то есть непосредственно в эпоху викингов и сразу после нее. Однако нельзя игнорировать ряд важных фактов, полученных, благодаря пониманию происхождения слова. В VIII—XI вв. лишь небольшое число жителей Севера называли себя викингами [19]. Обычные скандинавские фермеры и рыбаки редко использовали это слово, хотя имя *Viking* также встречалось. Как выяснили ученые, и в этом отношении сложился определенный консенсус, в древнескандинавском языке лишь два слова приблизительно похожи на современное «викинги»: 1) *vikingr* (мужской род) — воин, отправлявшийся в морские экспедиции; 2) *viking* (женский род) — сами экспедиции, куда ежегодно уходили скандинавы за богатством и славой. Выражение *fara i viking* означало «плавать в викинге» [21, p. 46]. По мнению Э. Хайде, скорее всего, абстрактное существительное *viking* было первичным, и существительное *vikingr*, обозначавшее человека, произошло от него [Ibid., p. 54]. Как можно заметить, этимологически слово *viking* не относилось к обобщенной группе людей, это понятие не включало в себя этнические или региональные значения [22, p. 5]. Этимология слова «викинги» прослеживается и в английском языке. На Британских островах были найдены важнейшие источники, датированные началом 700-х гг., почти за 90 лет до официального начала эпохи викингов. В этих глоссариях указаны древнеанглийские эквиваленты латинских слов. В качестве эквивалента латинского *piraticus* здесь встречается древнеанглийское *wicing* [27, p. 108]. Это понятие также не сопровождается этническими и региональными ассоциациями, связанными со словом [25, s. 152].

Тем не менее с развитием языка значение слов меняется, и на тот момент, когда свидетельства использования понятия обнаруживаются в исторических источниках, необходимых для анализа, оно может нести другие смыслы. То есть этимология полезна для установления того, как и где возникло понятие «викинги», но с ее помощью нельзя с уверенностью установить, что оно на самом деле означало в эпоху викингов и позднее. Поэтому в рамках данной работы наиболее актуален исторический подход, который отражает историко-культурный контекст более поздних употреблений данного понятия.

Скандинавы периода раннего Средневековья не оставили письменных источников, поэтому первым свидетельствам о викингах и впечатлениям от встречи с ними наука обязана средневековым европейским хронистам. Сегодня те описания, которые давали английские монахи скандинавам, подверглись серьезной критике [11, с. 19]. Но все же, анализируя источники, написанные на латинском языке, можно выделить ключевые признаки походов викингов: групповой характер деятельности, грабежи, внезапные нападения, морские экспедиции, язычество как главный признак духовных воззрений скандинавов. Последний признак немаловажен для определения верхней хронологической границы эпохи викингов. В латинских хрониках по отношению к язычникам использовался термин *pagans*, который в том числе применялся и к викингам [20, p. 142]. Однако после христианизации Скандинавии это обозначение перестало употребляться. Сами по себе грабежи и взимание дани

не были чем-то уникальным для междоусобных войн эпохи раннего Средневековья, но преднамеренные нападения на церкви и убийства священнослужителей выделяли викингов среди других захватчиков.

Что касается скандинавских источников, то большой рост их числа приходится на конец XII — начало XIV в., то есть на так называемый «век саг». До эпохи саг слово «викинги» встречается в скальдической поэзии — форме скандинавского искусства на стыке устной и письменной традиции. Скальдические стихи, в отличие от саг, в которых они зафиксированы, считаются более надежным источником [12, с. 113]. Хотя и редко, но в скальдической поэзии встречается слово, эквивалентное слову «викинги». В стихах известного скандинавского скальда и викинга Эгиля Скаллагримссона, жившего приблизительно в 910—990 гг., упоминаются викинги.

Pat mælti mín móðir,
at mér skyldi kaupa
fley ok fagrar árar,
fara á braut með víkingum,
standa upp í stafni,
stýra dýrum knerri,
halda svá til hafnar
höggva mann ok annan [16, с. 42].

Молвила мне мать:
мне корабль-де купят —
весла красны вольны —
с викингами выехать.
Будет стать мне, смелу,
мило у кормила
и врагов негодных
повергать поганых [12, с. 28—29].

Исходя из контекста, можно заметить, что занятия викингов были тесно связаны с военным делом и морем. Однако знакомое современному человеку слово *viking* не употребляется, а вместо него используется слово *vikingum* (во мн. числе), что может свидетельствовать о том, что они, как правило, были группой людей, которые занимались военным рейдерским промыслом вместе.

Количество источников на древнескандинавском языке, имеющих в распоряжении исследователя, увеличилось после завершения эпохи викингов. Первые записанные литературные источники стали появляться с начала XII в. Оригинальные работы Сэмунда Мудрого не сохранились, поэтому отцом исландской литературы считается его современник, Ари Мудрый Торгильтссон (1067—1168). С пополнением источниковой базы расширялось употребление слова «викинг», и менялось его значение. Основной комплекс источников, позволяющий глубже погрузиться в эпоху викингов, — это исландские саги, которые были сочинены несколько позже самой эпохи викингов — в XIII—XIV вв. Несмотря на это, данные произведения создавались довольно близко к происходившим в них событиям — в то время, когда жизненные ценности и идеалы их создателей не успели оторваться от идеалов общества эпохи викингов [5, с. 132].

Независимо от поджанра саги, во всех встречающихся употреблении викинги имеют общие признаки: морские экспедиции с целью грабежа и захвата, военизированный образ жизни, групповой характер деятельности, социальная отчужденность от племенной системы и, как следствие, высокая социальная мобильность, а также маргинальное состояние «викинга». Торговля, как часто упоминаемая функция сканди-

навских мореплавателей, не была их ключевой деятельностью и обычно имела вынужденный характер [4, с. 177]. Разграничение деятельности викингов и торговца демонстрируется в отрывке из «Саги об Эгиле»: *Björn var farmaðr mikill, var stundum í viking, en stundum í kaupferðum. Björn var inn gerviligsti maðr* [17, с. 99] («Бьёрн много плавал по морям, иногда как викинг, а иногда занимаясь торговлей. Он был очень достойный человек»).

Фактически быть викингом означало работу «на полставки», поскольку экспедиции викингов совершались сезонно мелкими фермерами, рыбаками, торговцами, вождями и аристократами. Данное занятие рассматривалось как временный способ поиска средств к существованию, при этом немаловажным было и завоевание славы [30, р. 1].

68

Таким образом, если брать за основу сугубо исторический подход к понятию «викинги», то рассматривать их деятельность и саму эпоху необходимо с точки зрения начала и завершения массовых грабительских набегов на соседние страны. При этом позиция большинства ученых опирается именно на этот критерий: в качестве нижней хронологической границы эпохи выделяется дата разграбления монастыря в Линдисфарне в 793 г. [24] (при этом часто не упоминается первое зафиксированное убийство викингами королевского шерифа в английском графстве Дорсет 789 г.). Это первые зарегистрированные набеги, но существует некоторая неопределенность в отношении масштабов более ранней активности скандинавов на атлантических границах Европы. Учитывая фрагментарный характер свидетельств, сложно утверждать, что самые ранние зафиксированные набеги викингов были первыми набегами [30, р. 16]. Некоторые исследователи отодвигают нижние хронологические рамки, предполагая, что некоторые набеги могли происходить уже в 760–770-х гг. [7, с. 19]. По мнению Н. Прайса, трехсотлетний период эпохи викингов начался примерно с середины VIII в., и был ознаменован в первую очередь процессом глубокой социальной трансформации скандинавского общества [6, с. 27]. Как считает Дж. Джеш, если брать в расчет другие аргументы и исторические свидетельства, в том числе археологические, то можно отодвинуть дату начала эпохи викингов примерно на 700 г. [22, р. 8].

Конечная дата завершения эпохи викингов ориентируется на 70-е гг. XI в. В качестве ключевых событий рассматривают поражение Харальда Сурового, короля Норвегии, в битве при Стэмфорд-Бридже в 1066 г. от английского правителя Гарольда. Чуть позже в том же году потомки викингов — франко-нормандские рыцари — разгромили англосаксов в битве при Гастингсе [4, с. 28]. Спустя четыре года, в 1070 г., из Англии удалился датский король Свен. Как считается, с этого момента период успешного вмешательства скандинавов в дела Западной Европы закончился [11, с. 12].

Однако и в определении верхней хронологической границы эпохи викингов нет единой позиции. Хотя для большей части Западной Европы эпоха викингов завершилась, в отдаленных и бедных северных районах Британских островов викинги и норвежские короли еще долгое время продолжали активно действовать. Выделяя этот период в «эпоху», ряд авторов считает, что справедливо совершать некоторые допущения, поскольку отдельные пиратские набеги викингов происходили вплоть

до 1240 г. А государственные структуры и общественные институты эпохи викингов в отдельных регионах сохранялись еще до XIII в., то есть закат их цивилизации был долгим [13, с. 5]. Как можно заметить, даже если использовать исторически зафиксированный критерий (грабительский характер военной экспансии викингов), здесь уже очевидны нечеткие хронологические рамки, которые по-разному определяются отдельными авторами. Понимание проблемы эпохи викингов с позиции разбойничьих набегов оставалось господствующим в науке вплоть до середины XX в.

Однако среди части историков, в особенности скандинавских, существовал и совершенно «иной, романтический взгляд на деяния норманнов», как пишет А.Я. Гуревич [1, с. 83]. Превращение викингов из пиратов в чистом виде в первых скандинавских пиратов и, наконец, в скандинавов в целом было процессом, который начался только около 1800 г. [25, s. 159]. Во многом это произошло потому, что понятие «викинги» было создано и популяризировано писателями эпохи романтизма в XIX в. [33]. Оно было использовано для обозначения героических, идеализированных образов скандинавских мореплавателей и воинов. С позиции националистически настроенных деятелей культуры и искусства викинги стали обретать этническую принадлежность — мореплаватели из Скандинавии. Ближе к середине XX в. «викингами» стали называть всех скандинавов раннего Средневековья. Таким образом, сформировался культурологический подход к понятию «викинги», который применяется к самой эпохе викингов, учитывая наряду с военными аспектами социокультурные составляющие скандинавского общества в VIII—XI вв.

Среди всех литературных произведений наиболее влиятельной является поэма Густава Гейера «Викинген». Гейер возродил повседневное употребление слова *viking* в Скандинавском регионе, но теперь оно применялось исключительно к скандинавам [25, s. 160]. *Viking* в этом стихотворении используется применительно к группе лиц, а не к роду их деятельности, как было характерно для древнескандинавского языка.

Så sjunger, på ensliga klippans hall
Den skeppsbrutne Viking bland bränningars svall —
I djupet sjön honom river —
Och böljorna sjunga åter sin sång,
Och vinden växlar sin lekande gång:
Men den tappres minne — det bliver [18, s. 24].

В 1825 г. выходит современный перевод «Саги о Фритьофе», выполненный Эсайясом Тегнером. Эта работа сразу стала популярна в нескольких европейских странах и еще сильнее повысила интерес к викингам. В русле романтических традиций XIX в. автор еще сильнее героизирует образ викингов, связывая их этническое происхождение с Севером: “...*jag vill följa de himmelska vindarnas gång, jag vill styra tillbaka mot Nord*” [31, p. 123] («...Я хочу следовать за небесными ветрами, я хочу вернуться на Север»). Тегнер еще больше укрепил героический образ скандинавского викинга, созданный Гейером. Средневековый северянин становится романтическим героем, образцом добродетели и хорошего

поведения [23, p. 147]. Таким образом, несмотря на то что на древнескандинавском языке «викинг» — это морской разбойник, а быть викингом означало совершать морские набеги, только в XIX в. это понятие вошло в обиход скандинавских языков и английского языка. Как правило, оно стало использоваться для обозначения всех представителей народов Скандинавии в период с конца VIII в. по XI в., а не только тех, кто совершал морские набеги и, следовательно, был викингами в древности.

Vikingtid («эпоха викингов») также была сконструирована в XIX в. Как считается, впервые это слово для обозначения исторического периода было использовано в датском языке еще в 1873 г., когда известный археолог Дж. Ворсае опубликовал свою книгу «Датская культура в эпоху викингов» (*De Danskes Kultur i Vikingetiden*) [28, s. 159]. В период формирования датской национальной идентичности страна нуждалась в культурно-исторических символах, подчеркивающих ее своеобразие и уникальность. Ворсае посетил Британские острова и Нормандию и идентифицировал находки как скандинавские. Чтобы подчеркнуть культурно-историческое обособление Дании, он (и за ним другие деятели культуры) фактически создал «эпоху викингов» и сделал ее частью скандинавского наследия.

С расширением признаков, составляющих понятие «викинги», до этнической и социокультурной общности, стало еще сложнее определить хронологические границы эпохи. Если викинги — это скандинавы, занимавшиеся набегами и грабежами, то эпоха викингов должна определяться на основе того, когда происходили такие действия, а именно в 793—1066 гг. Если же под викингами понимать все скандинавское общество, включая оставшихся дома, то определение хронологических границ эпохи разнится. Исследователи принимают принципиально разные критерии для определения ее хронологических рамок.

Рассматривая эпоху викингов с точки зрения культурологического подхода, ученые склонны отодвигать нижние хронологические рамки вплоть до начала VIII в., критикуя условную дату 793 г. Они считают, что более ранняя датировка, основанная на письменных документах, не учитывает археологические данные, полученные с развитием технологий их анализа. Поэтому нападения скандинавов на монастыри на Британских островах до сих пор считаются началом эпохи викингов [25, s. 160].

В последние десятилетия благодаря появлению новых археологических находок ученые стали рассматривать дальние и длительные морские путешествия викингов под другим углом. Оставив в стороне мотивы военных грабежей, они акцентируют внимание преимущественно на их торговой деятельности. В 2015 г. межнациональный коллектив исследователей продемонстрировал присутствие норвежских мореплавателей уже в начале 700-х гг. в крупном датском торговом городе Рибе. Здесь на глубине нескольких археологических слоев удалось найти рога северного оленя, которые можно было получить только в Норвегии. Это значит, что уже к VIII в. с этим регионом были установлены торговые отношения [14, p. 687].

Говоря о завершении эпохи викингов, авторы, которые не концентрируются на военных походах, называют несколько разных условий.

Во-первых, возникновение национальных государств и укрепление сильной королевской власти, опирающейся на систему военного вассалитета в Дании, Швеции, Норвегии [4, с. 221]. К концу XI в. королевские династии были узаконены католической церковью. Появились города, которые функционировали как светские и церковные административные центры и торговые площадки. В них начала развиваться денежная экономика, основанная на английской и немецкой моделях. Укрепление государственной власти, организованной потомками скандинавских викингов, происходило также на Руси, в Англии, на Фарерских и Оркнейских островах. Деятельность королей теперь была направлена не на грабежи, а на завоевание и удержание территорий. Но даже в этом случае, к эпохе викингов можно относить новый период экспансии Дании и Швеции в 1100–1200-е гг., когда совершались походы и завоевания на южном и восточном побережье Балтики и в Финляндии [8, с. 258].

Во-вторых, важную роль в завершении эпохи сыграла христианизация Скандинавии, благодаря чему произошло включение северных государств в число католических стран. Один из вариантов — использовать 1000 г. в качестве круглой даты, когда Исландия была крещена [22, р. 9]. Несомненно, принятие скандинавами организованной монотеистической религии, характерной для большей части остальной Европы, является важной вехой в их истории. Последовавшие за этим культурные и политические трансформации в Скандинавии свидетельствуют о том, что XI век был ключевым при смене эпох. Северогерманский хронист Адам Бременский отмечает, что к середине XI в. военные походы викингов утратили свое значение из-за христианизации Скандинавии (см. об этом: [20, р. 149]). Кроме того христианство предусматривало явный запрет на владение рабами, а значит военные походы и работорговля как экономический стимул военных походов сокращались. Однако первые контакты язычников-скандинавов и христиан были значительно раньше 1000 г., а христианизация Скандинавии являлась долгим процессом, который растянулся на многие десятилетия. Поэтому XI век весьма условен, так как полная христианизация населения, заняла несколько столетий. Дальнейшая протестантская Реформация по всей Скандинавии и ее уцелевшим колониям в XVI в. позволяет использовать и эту дату, определяя завершение «эпохи викингов» [22, р. 10].

В-третьих, совершенно иной будет дата окончания эпохи викингов, если в качестве критерия взять этап складывания скандинавской письменной культуры и возникновение письменных источников. Первые рукописные документы на древнескандинавском языке формируются в XII в., но уже XI в. богат двумя народными источниками, имеющими глубокие корни в древнескандинавской культуре, — руническими надписями и скальдическими стихами. В Скандинавии XI век является переходным периодом между устной речью и культурой письменных текстов в XII в. Однако кульминацией периода можно назвать XIV в., когда был создан огромный пласт скандинавских саг и прядей. Эти литературные и исторические документы стали важной частью скандинавской духовной культуры, что позволяет рассматривать письменный материал как важную черту, ознаменовавшую переход цивилизации на качественно иной уровень в этом регионе [9, с. 67].

Неоднозначность подходов к определению хронологических рамок, разрушает концепцию монолитной эпохи викингов, позволяя выделять не «эпоху», а «эпохи», поскольку она разбивается на несколько фаз активности, отличающихся между собой по многим показателям. С конца VIII в. по начало IX в. европейский мир столкнулся с небольшими и неорганизованными грабительскими отрядами. Но уже с середины IX в. эти набеги совершали значительно лучше организованные армии. К этому моменту также началось заселение земель, сначала на Британских островах, а затем и на континенте. Возможность зимовки позволила усилить набеги и получить больше времени для грабежей, начиная с 830-х гг. Это знаменует собой переходный этап между набегами и постоянными поселениями. Многие ученые рассматривают эту фазу заселения как «вторую эпоху викингов», которая сильно отличалась от «первой эпохи викингов» и была более значимой. Многие контакты носили коммерческий характер. Коммерческие связи, возможно, в первую очередь помогли скандинавам осознать относительное богатство континентальной и островной Западной Европы [30, р. 32]. В англоязычной историографии выделяются и более детальные подходы к периодизации [10].

Более того, викингские завоевания и колонизация не были синхронизированы по всей Европе. И даже параллельно происходившие события с участием скандинавов на Западе и на Востоке отличались спецификой. В одних регионах информация о контактах с викингами задокументирована гораздо лучше, чем в других.

Заключение

Переосмысление роли викингов в мировой истории происходит сегодня, как и в XIX в., когда людям Севера адресовали хвалебные послания, благодаря их за «твердость, отвагу, предприимчивость и чувство справедливости, которые жили в сердцах суровых старых морских королей Норвегии!» [33]. Есть реальные основания называть людей, совершавших набеги в VIII — XI вв., «викингами». Действительно, термин, приближенный к этому слову, использовался ими для обозначения самих себя и военной деятельности, которой они занимались. Но если викинг бросал это занятие, возвращался домой или становился земледельцем на какой-либо земле, он переставал быть викингом. Викинги оставались собой до тех пор, пока находились на борту корабля. Поэтому можно оправдать использование понятия «эпоха викингов», но абсолютно неуместно использовать такие конструкции, как «религия викингов», «язык викингов», «цивилизация викингов» и т. д. [15, р. 24]. Говоря о викингах сегодня, имеют в виду не только пиратов, но и женщин, детей и стариков. Не только тех, кто участвовал в набегах викингов, а каждого скандинава, жившего в течение этих двух с половиной или трех столетий в раннем Средневековье. Однако викинги — это пираты, их основная деятельность — морские грабежи и рейдерство. Представляется целесообразным использовать понятие «скандинавы раннего Средневековья», несмотря на то что, как отмечает Р. Зимек, в средневековых источниках отсутствует единый термин, охватывающий все население Скандинавии эпохи викингов [2, с. 14].

На сегодняшний день не существует однозначного подхода к определению эпохи викингов, хронологические рамки которой весьма различаются в зависимости от используемой в исследовании методологии. Исторический подход позволяет рассматривать викингов как морских налетчиков, действовавших с конца VIII в. до середины XI в. Однако акцент на драматических событиях набегов и завоеваний может затмевать другие формы взаимодействия [30, р. 32]. В этих обстоятельствах правомерен и культурологический подход, который включает в понятие «викинги» этнические и культурные особенности скандинавского общества. В результате хронологические рамки эпохи условно можно расширить с начала VIII в. до XIV в. Необходимость междисциплинарного подхода к изучению викингов, позволяющего выйти за узкие исторические границы, обосновывается в современной исследовательской литературе [26, р. 3]. В этой связи расширение хронологических границ представляется оправданным и перспективным.

Все же те критерии и события, которые наука может выделить в качестве основополагающих, не у всех ученых однозначно найдут поддержку. Нельзя сказать, что эпоха викингов «закончилась» какими-то конкретными событиями, произошедшими в определенное время или в определенном месте, равно как нельзя сказать, что она «началась» с чего-то подобного [6, с. 31–33]. Не все ученые согласятся с самой идеей выделения наиболее острой фазы активности скандинавов в отдельную историческую эпоху. Признавая роль, которую викинги сыграли в мировой истории, они не считают ее определяющей, поскольку для мировой истории не было эпохи викингов как таковой. Скорее, это эпоха лишь в истории скандинавских стран [1, с. 122–123]. Эпоха викингов — это искусственная конструкция, используемая для концептуализации истории [30, р. 2]. История нечасто позволяет проводить такое четкое разделение между произвольными «эпохами». Поскольку эпоха викингов не была «монолитным хронологическим периодом» в три или четыре сотни лет, нелегко и определить единую дату, применимую ко всему миру викингов. Любые хронологические границы являются весьма условными, требующими аргументированных обоснований со стороны исследователя.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.
2. Зимек Р. Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы — 1999. М., 2001. С. 9–25.
3. Крестовников В. А. Эпоха викингов в российской и зарубежной историографии // Казачество. 2024. № 74. С. 130–136.
4. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
5. Мартыненко В. О. Исландские саги как источник изучения духовной культуры средневековой Скандинавии в дискуссиях отечественных и зарубежных исследователей // XXV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Ч. 7 : История. Документоведение. Архивоведение. (г. Нижневартовск, 4–5 апреля 2023 г.) Нижневартовск, 2023. С. 126–133.

6. Прайс Н. История викингов. Дети Ясень и Вяза. М., 2020.
7. Роуч Л. Империи норманнов: Создатели Европы, завоеватели Азии. М., 2022.
8. Розсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001.
9. Сванидзе А. А. Викинги — люди саги: жизнь и нравы. М., 2014.
10. Смятцкий Д. Г. Проблема периодизации эпохи викингов в Англии в современной англоязычной историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 116 — 124.
11. Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2006.
12. Поэзия скальдов / изд. подг. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1979.
13. Хейвуд Дж. Люди Севера: История викингов. 793 — 1241. М., 2017.
14. Ashby S. P., Ashley N. C., Sindbæk S. M. Urban networks and Arctic outlands: craft specialists and reindeer antler in Viking towns // European Journal of Archaeology. 2015. Vol. 18, № 4. P. 679 — 704.
15. Driscoll M. J. «Vikings!» // The Vikings reimagined: reception, recovery, engagement / ed. T. Birkett, R. Dale. Berlin ; Boston, 2020. P. 19 — 27.
16. Egill Skallagrímsson. Lausavísur // Den Norsk-islandske Skjaldedigtning. København ; Kristiania, 1912. Bd. 1. S. 42 — 53.
17. Egils Saga Skallagrímssonar nebst den Grösseren Gedichten Egils. Halle, 1924.
18. Geijer E. G. Vikingen // Iduna. 1811. Del 1. S. 20 — 24.
19. Harrison D. VadBetyder «viking»? // SvenskaDagbladet. URL: <https://www.svd.se/a/aKPda/vad-betyder-viking> (дата обращения: 08.12.2024).
20. Heebøll-Holm T. K. Between pagan pirates and glorious sea-warriors: the portrayal of the Viking pirate in Danish twelfth-century Latin historiography // Viking and Medieval Scandinavia. 2012. Vol. 8, № 1. P. 141 — 170.
21. Heide E. Viking — «rower shifting»? An etymological contribution // Arkiv för Nordisk Filologi. 2005. Vol. 120. P. 41 — 54.
22. Jesch J. The Viking Diaspora. N. Y., 2015.
23. Langer J. Horned, barbarian, hero: the visual invention of the Viking through European art (1824 — 1851) // Scandia Journal of Medieval Norse Studies. 2021. Vol. 4. P. 131 — 180.
24. Liberman A. What did the Vikings do before they began to play football? // Oupblog. URL: <https://blog.oup.com/2009/07/vikings/> (дата обращения: 08.12.2024).
25. Lind J. H. «Vikinger», Vikingetid og Vikingeromantik // KUML : Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab. Aarhus, 2012. S. 151 — 168.
26. Nilsson S. E., Nyzell S. The mythopoetic Viking in European cultural heritage // Viking heritage and history in Europe: practices and re-creations (critical heritages of Europe). N. Y., 2024. P. 3 — 17.
27. Pheifer J. D. Old English Glosses in the Épinal-Erfurt Glossary. Oxford, 1974.
28. Roesdahl E. Vikingerne i Dansk kultur // Fortid og Nutid. 1994. № 2. S. 158 — 172.
29. Sindbæk S. All in one Boat. The Vikings as European and global heritage // Heritage reinvents Europe : Proceedings of the Internationale (sic!) Conference. Ename, Belgium, (17 — 19 March 2011). Ename, 2011. P. 81 — 87.
30. Somerville A. A., McDonald R. A. The Vikings and their age. Toronto, 2013.
31. Tegner E. Frithiofs Saga. Chicago, 1909.
32. The Anglo-Saxon Chronicle // Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/657/pg657-images.html> (дата обращения: 04.03.2026).

33. Wawn A. The Viking revival // BBC. URL: https://www.bbc.co.uk/history/ancient/vikings/revival_01.shtml (дата обращения: 08.12.2024).

Об авторе

Владислав Олегович Мартыненко — асп., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

ORCID: 0009-0009-7431-7119

E-mail: vladumgard@mail.ru

V. O. Martynenko

DEFINING THE CHRONOLOGICAL FRAMEWORK OF THE VIKING AGE: THE RELATIONSHIP BETWEEN HISTORICAL AND CULTURAL APPROACHES

Altai State University, Barnaul, Russia

Received 10 December 2024

Accepted 25 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5

To cite this article: Martynenko V. O., 2026, Defining the chronological framework of the Viking age: the relationship between historical and cultural approaches, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 63—76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5.

Medieval and Scandinavian studies generally date the Viking Age to 793—1066, a period during which belligerent Scandinavians played a dominant role in the political and socio-economic life of various states. However, recent interdisciplinary research on Scandinavian society during the Early Middle Ages has expanded these chronological boundaries. An understanding of the criteria underlying different research approaches allows the chronological period of Scandinavian activity to be defined more precisely. This article aims to determine the chronological boundaries of the Viking Age through an integrated historical and cultural studies approach. Within the historical approach, using historical-genetic and comparative-historical methods and content analysis and drawing on a range of international medieval sources, the study identifies the features constituting the concept of 'Vikings' during their period of activity. Within the cultural studies approach, sources from the Modern period are used to reveal attributes constructed much later by nineteenth-century Romantic cultural figures. Identifying the properties of the concept of 'Vikings' makes it possible to determine the criteria used to define the chronological boundaries of the era. Viking military invasions, sea robberies, piracy and paganism serve as markers of the most active phase of Viking conquests of 793—1066. Other properties include the development of trade, religion, written culture, and political and social institutions, bridging the concepts of 'Vikings' and 'Scandinavians'. This perspective expands the chronological boundaries of the Viking Age, framing it as an era stretching from the early eighth to the sixteenth century in accordance with different scholarly approaches. The conclu-

sion highlights the artificial nature of such historical-chronological constructs as the Viking Age and emphasises the need for a balanced differentiation or integration of two approaches to the concepts of 'Vikings' and 'the Viking Age'.

Keywords: vikings, viking campaigns, scandinavians, viking age, Scandinavia

The author

Vladislav O. Martynenko, PhD Student, Altai State University, Barnaul, Russia.

ORCID: 0009-0009-7431-7119

E-mail: vladumgard@mail.ru